

СОВЕТ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ПО КОДИФИКАЦИИ И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

103132, Москва, ул. Ильинка, д. 8, стр. 2

Телефон: (495)606-56-32, факс: (495)606-36-57

**Принято Советом
15 августа 2023 г.
№ 232/оп-1/2023**

ЭКСПЕРТНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

по проекту федерального закона «О внесении изменений в статьи 24.1 и 27.5-8 Федерального закона «О рынке ценных бумаг»

Проект федерального закона «О внесении изменений в статьи 24.1 и 27.5-8 Федерального закона «О рынке ценных бумаг» (далее – Проект) направлен на экспертизу в Совет при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства (далее – Совет) Министерством экономического развития Российской Федерации (письмо от 22 мая 2023 г. № 17714-ИТ/Д20и).

Проект разработан во исполнение пункта 14 раздела 1 «Создание и расширение линейки финансовых инструментов для реализации инвестиционных проектов» плана мероприятий («дорожной карты») по формированию доступных финансов для инвестиционных проектов, утвержденного Первым заместителем Председателя Правительства Российской Федерации Белоусовым А.Р. 13 мая 2021 г. № 4806п-П13 и Председателем Центрального банка Российской Федерации Набиуллиной Э.С. 13 мая 2021 г. № ПМ-01-52/76.

Законопроект аналогичного содержания был предметом рассмотрения Совета и не получил поддержки (Экспертное заключение от 17 февраля 2022 г. № 215-3/2022 по проекту федерального закона «О внесении изменений в

статью 32 Федерального закона «Об акционерных обществах» и Федеральный закон «О рынке ценных бумаг», далее – Экспертное заключение).

Анализ Проекта показывает, что он хотя и отличается от более ранней своей версии, однако концептуально не изменен и сохраняет большинство недостатков, на которые ранее обращал внимание Совет.

1. Разработчики Проекта значительно переработали пояснительную записку, представив отличную от предыдущей версии аргументацию. Ранее разработка Проекта объяснялась некими проблемами правоприменения, впрочем, неочевидными, так как тезис о наличии таких проблем не был подкреплен ни судебной практикой, ни иными данными. Текущее обоснование разработки Проекта вызывает еще больше вопросов.

В пояснительной записке указывается, что Проект не предлагает изменение «существующих институтов, в том числе конвертируемого займа, а также конвертируемых ценных бумаг», а предусматривает создание нового инструментария для привлечения инвестиций для эмитентов, не обладающих широкой известностью у потенциальных инвесторов, для которых проектируемый механизм «автоматической конвертации» будет служить мотиватором к осуществлению инвестиций и дополнительной гарантией защиты. При этом, как подчеркивают разработчики Проекта, новый механизм конвертации будет носить опциональный характер и сможет применяться наряду с иными действующими инструментами привлечения инвестиций.

По сути вся сколько-нибудь содержательная аргументация в обоснование предлагаемого алгоритма упрощенной конвертации этим и ограничивается. Неясно, каким образом вводимый механизм с привлечением третьей стороны для подтверждения конвертации, тем более без возможности ограничения деятельности такого лица в случае нарушения им своих обязанностей, может способствовать повышению мотивации к инвестициям в новые конвертируемые ценные бумаги и служить гарантией обеспечения прав и интересов инвесторов.

Вновь предложенная концепция Проекта диссонирует с заявленными целями и содержит внутренние противоречия. Несостоятельность концепции иллюстрируют также приведенные в пояснительной записке доводы. Например, это касается недопустимости осуществления функций подтверждающего лица непосредственно представителем облигационеров, которую разработчики Проекта объясняют тем, что деятельность представителя владельцев облигаций «предполагает его заинтересованность, поскольку он исполняет решения владельцев облигаций и защищает их интересы». При этом разработчиков Проекта не смущает потенциальная зависимость подтверждающего лица от нанимающего его эмитента, позволяющая усомниться в его беспристрастности при выполнении им своих обязанностей.

В целом практически все используемые в обоснование предлагаемых нововведений аргументы выглядят неубедительными, противоречивыми и оторваны от реализуемых Проектом изменений. В этой связи следует констатировать, что идея упрощения конвертации за счет привлечения третьей стороны по-прежнему представляется весьма сомнительной, а ее востребованность со стороны участников рынка и потенциальных инвесторов – неочевидной.

2. Предпринятые разработчиками Проекта попытки учесть в той или иной мере некоторые высказанные Советом замечания нельзя признать удачными, поскольку в результате не только не снята актуальность большинства поставленных Советом вопросов, но и порождены новые.

Применительно к правовому статусу подтверждающего лица и представителя облигационеров Проект по-прежнему оставляет без ответов принципиальные вопросы, в том числе касающиеся значительного пересечения функционала и обязанностей указанных лиц, самой необходимости закрепления в законе нового института, а также защиты нарушенных прав владельцев конвертируемых ценных бумаг.

Несмотря на заявленный в пояснительной записке опциональный характер предлагаемого в Проекте «нового механизма конвертации», в целом трудно представить, каким образом предполагается его использование, в том числе одновременно с институтом представителя владельцев облигаций.

Более того, не добавляют ясности содержанию такого механизма используемые в Проекте правовые конструкции, например, предусматривающие возможность подтверждения «в том числе срока, при наступлении которого осуществляется конвертация» (проектируемый абзац первый пункта 4.1 статьи 27.5-5 Федерального закона от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг», далее – Закон).

Поскольку подтверждающее лицо по замыслу разработчиков Проекта никак не должно быть «связано» интересами владельцев конвертируемых ценных бумаг, Проект исключает фидуциарный характер обязанностей подтверждающего лица, хотя в предыдущей его версии прямо предусматривалось, что подтверждающее лицо должно действовать в интересах всех владельцев конвертируемых ценных бумаг добросовестно и разумно. Ввиду отсутствия в текущей редакции Проекта соответствующих норм возникают вопросы о том, каково содержание прав, обязанностей этого лица и его ответственности, которая должна определяться объемом и характером его обязанностей, и в чем заключается суть оказываемой подтверждающим лицом услуги. Занимая согласно Проекту достаточно пассивную позицию, такое лицо лишено всякой возможности запрашивать у эмитента необходимые для подтверждения наступления условий конвертации сведения и документы. Как можно понять из содержания Проекта, о наступлении условий осуществления конвертации подтверждающее лицо узнает от эмитента и (или) владельцев конвертируемых ценных бумаг (проектируемые абзац первый пункта 4.5 и абзац второй пункта 4.1 статьи 27.5-8 Закона). Таким образом, отводимая подтверждающему лицу роль по сути сводится к сугубо технической функции.

Столь разительная смена подходов к определению правового статуса подтверждающего лица лишней раз свидетельствует об отсутствии четкого представления о содержании прав и обязанностей вводимой в Проекте фигуры и о концептуальной несостоятельности предлагаемых нововведений.

3. Проект предусматривает, что в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения подтверждающим лицом своих обязанностей владелец конвертируемых ценных бумаг, а равно представитель владельцев конвертируемых облигаций вправе обратиться в суд за защитой нарушенных прав (проектируемый абзац третий пункта 4.1 статьи 27.5-8 Закона).

Однако среди возможных способов защиты, которые могут быть использованы такими лицами, в Проекте прямо указывается лишь требование об убытках (проектируемый абзац третий пункта 4.5 статьи 27.5-8 Закона). При этом неясно, может ли владелец облигаций требовать осуществления конвертации в случае, если подтверждающее лицо уклоняется от своих обязанностей, а эмитент возражает против конвертации; допускается ли возможность при наличии представителя владельцев облигаций совершения владельцами облигаций собственных действий, направленных на защиту нарушенных прав, в том числе обращение в суд; возможно ли в принципе обжалование решения подтверждающего лица в случае несогласия с ним заинтересованных лиц. На указанные вопросы Совет обращал внимание (пункт 1 Экспертного заключения), но они остались без ответов.

Не приняты также во внимание замечания Совета, касающиеся необоснованного ограничения круга лиц, которые могут выступать в качестве подтверждающего лица (проектируемый пункт 4.2 статьи 27.5-8 Закона). Проект, в частности, исключает возможность осуществления такой деятельности брокерами, дилерами, управляющими компаниями паевых инвестиционных фондов и негосударственных пенсионных фондов либо иными лицами, созданными в соответствии с законодательством Российской Федерации и существующими не менее трех лет (пункт 2 Экспертного

заклучения). При этом никаких объяснений на этот счет в пояснительной записке не приводится.

4. В проектируемом пункте 4.4 статьи 27.5-8 Закона закрепляется перечень лиц, которые не могут выступать в качестве подтверждающего лица. Перечень этот сформирован по критерию наличия у лиц конфликта интересов и полностью воспроизводит перечень лиц, которые не могут действовать в качестве представителей владельцев облигаций (пункт 4 статьи 29.1 Закона).

Используемая для этих целей правовая конструкция хотя и позаимствована из действующей статьи 29.1 Закона, все же вызывает сомнения. Дело в том, что поименованные в подпунктах 1 – 4 указанной статьи организации не всегда могут иметь конфликт интересов, однако Проект, задавая для них жесткие рамки, по сути создает в отношении таких лиц неопровержимую презумпцию наличия конфликта интересов. Кроме того, предлагаемая формулировка подпункта 5 пункта 4, исключая как таковую возможность осуществления функций подтверждающего лица любыми организациями, у которых имеется любой конфликт интересов, препятствующий надлежащему исполнению обязанностей подтверждающего лица, делает бессмысленной саму идею закрепления подобного перечня.

х х х

Вывод: проект федерального закона «О внесении изменений в статьи 24.1 и 27.5-8 Федерального закона «О рынке ценных бумаг» не может быть поддержан.

Председатель Совета

П.В. Крашенинников

СОВЕТ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ПО КОДИФИКАЦИИ И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

103132, Москва, ул. Ильинка, д. 8, стр. 2

Телефон: (495)606-56-32, факс: (495)606-36-57

**Принято Советом
15 августа 2023 г.
№ 232/оп-2/2023**

ЭКСПЕРТНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

по проекту федерального закона № 369263-8 «О внесении изменений в статью 3 Федерального закона «О приватизации государственного и муниципального имущества» и статью 21 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях»»

Проект федерального закона № 369263-8 «О внесении изменений в статью 3 Федерального закона «О приватизации государственного и муниципального имущества» и статью 21 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях»» (далее – Проект) рассмотрен по инициативе Совета при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства.

Проект внесен в Государственную Думу группой депутатов Государственной Думы и находится на стадии рассмотрения в первом чтении.

При всей серьезности предлагаемых изменений текст Проекта достаточно краток. Его первая статья дополняет пункт 3 статьи 3 Федерального закона от 21 декабря 2001 г. № 178-ФЗ «О приватизации государственного и муниципального имущества» запретом на приватизацию «имущества религиозного назначения, находящегося в государственной или муниципальной собственности». Статья 2 Проекта дополняет пункт 3 статьи 21 Федерального закона от 26 сентября 1997 года № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» (далее – Закон № 125-ФЗ) получающим

обратную силу положением, согласно которому «сделки приватизации находящегося в государственной или муниципальной собственности имущества религиозного назначения, заключенные после вступления в силу Федерального закона от 30 ноября 2010 года № 327-ФЗ «О передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в государственной или муниципальной собственности», ничтожны, если иное не предусмотрено федеральным законом».

По поводу предложений Проекта необходимо отметить следующее.

1. Реализация идеи передачи находящихся в публичной собственности объектов религиозного назначения исключительно соответствующим религиозным организациям требует значительно более серьезной и глубокой проработки, нежели это сделано разработчиками Проекта. Существующие в действующем законодательстве нормы, посвященные правовому режиму имущества религиозного назначения, приспособлены к решению вопросов эксплуатации такого имущества и его передачи в собственность религиозных организаций. Таким образом, в настоящее время они затрагивают прежде всего сами религиозные организации, а также соответствующие уполномоченные государственные органы.

Установление запрета на приватизацию определенной категории имущества (имущества религиозного назначения) коснется неограниченного круга третьих лиц, права которых на получение соответствующего имущества в собственность будут ограничены. В связи с этим все третьи лица должны совершенно четко понимать, какое именно имущество относится к имуществу религиозного назначения и не подлежит приватизации. В настоящее время полной ясности по данному вопросу не имеется, в особенности с учетом многоконфессиональности российского общества и наличия в стране большого количества разнообразных религиозных организаций.

Понятие «имущество религиозного назначения» определяется в пункте 1 статьи 2 Федерального закона от 30 ноября 2010 г. № 327-ФЗ «О передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения,

находящегося в государственной или муниципальной собственности» (далее – Закон № 327-ФЗ) следующим образом: «имущество религиозного назначения – недвижимое имущество (помещения, здания, строения, сооружения, включая объекты культурного наследия (памятники истории и культуры) народов Российской Федерации, монастырские, храмовые и (или) иные культовые комплексы), построенное для осуществления и (или) обеспечения, в том числе материального и иного, таких видов деятельности религиозных организаций, как совершение богослужений, других религиозных обрядов и церемоний, проведение молитвенных и религиозных собраний, обучение религии, профессиональное религиозное образование, монастырская деятельность, благотворительная деятельность, социальное обслуживание, религиозное почитание (паломничество), в том числе здания для временного проживания паломников, а также движимое имущество религиозного назначения (предметы внутреннего убранства культовых зданий и сооружений, предметы, предназначенные для богослужений и иных религиозных целей)».

Как указывается в пункте 1 Обзора судебной практики по спорам о передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения (утвержден Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 16 ноября 2022 г., далее – Обзор ВС РФ от 16 ноября 2022 г.), «для отнесения спорного недвижимого имущества к имуществу религиозного назначения необходимо учитывать цели, для которых осуществлялось его строительство, а не функциональное назначение и вид использования этого имущества в настоящее время. Изменение назначения имущества в процессе его эксплуатации нерелигиозной организацией и использование его в иных целях не влияет на определение имущества как недвижимого имущества религиозного назначения».

Кроме того, пункт 2 Обзора ВС РФ от 16 ноября 2022 г. уточняет: «недвижимым имуществом, имеющим религиозное назначение, является не только имущество, построенное для осуществления указанных в пункте 1 этой статьи видов деятельности религиозных организаций, которые создаются в

целях совместного исповедания и распространения ... но и для непосредственного обеспечения таких видов деятельности».

Таким образом, существует имущество, религиозное назначение которого отнюдь не очевидно (в том числе для третьих лиц).

Также в пункте 5 статьи 21 Закона № 125-ФЗ упоминается понятие «имущество богослужебного назначения»: «На движимое и недвижимое имущество богослужебного назначения не может быть обращено взыскание по претензиям кредиторов. Перечень видов имущества богослужебного назначения, на которое не может быть обращено взыскание по претензиям кредиторов, устанавливается Правительством Российской Федерации по предложениям религиозных организаций». При этом до настоящего момента Правительством Российской Федерации не определен перечень видов такого имущества.

Нетрудно заметить, что законодательно «имущество религиозного назначения» определено максимально широко, а состав «имущества богослужебного назначения» и вовсе до конца неясен. В определенной мере это может быть удобно для религиозных организаций, обращающихся к уполномоченным органам с просьбой о безвозмездной передаче им того или иного конкретного имущества, однако при введении предлагаемого Проектом законодательного запрета на приватизацию указанной категории имущества неясность в вопросе о том, что входит в данную категорию, а что не входит, сделает положение дел не просто неудовлетворительным, но нетерпимым. Интересы стабильности гражданского оборота, ясность понимания всеми его участниками собственных прав и обязанностей, а также гарантированная статьей 35 Конституции Российской Федерации защита права собственности требуют проведения предварительной работы по скрупулезной правовой оценке абсолютно всех возможных вопросов в сфере определения категории имущества религиозного назначения как такового с учетом интересов всех признаваемых отечественным правопорядком конфессий и деноминаций.

2. К настоящему моменту масса объектов религиозного назначения уже

имеет частных собственников, получивших такие объекты в порядке приватизации. В пункте 3 Обзора ВС РФ от 16 ноября 2022 г. также обращается внимание на то, что «религиозной организации подлежит передаче только имущество религиозного назначения, находящееся в государственной или муниципальной собственности»; «поскольку религиозной организации может быть передано только имущество религиозного назначения, находящееся в государственной или муниципальной собственности, отказ уполномоченного органа [в передаче религиозной организации нежилого помещения] обоснован» (пункт 3 Обзора ВС РФ от 16 ноября 2022 г.). В этом же пункте Обзора указывается, что в гражданском законодательстве отсутствуют установленные основания для признания ранее совершенной сделки по приватизации помещения недействительной и приватизированные ранее помещения (даже если они расположены в доходном доме, принадлежавшем некогда религиозной организации) правомерно выбыли из государственной собственности. Приоритет в ситуации конкуренции права частных лиц и религиозных организаций на выкуп имущества религиозного назначения имеет то лицо, которое раньше другого обратилось с соответствующим заявлением: «Религиозная организация пользование спорным имуществом не осуществляла, интереса в передаче ей имущества не выражала, поэтому не имеется оснований считать, что спорной сделкой нарушены ее права и законные интересы» (пункт 3 Обзора ВС РФ от 16 ноября 2022 г.).

Положение статьи 2 Проекта, в соответствии с которым предлагается признать ничтожными все сделки приватизации соответствующего имущества, совершенные в течение последних 13 лет, не может быть одобрено. Правовым эффектом этих сделок стало возникновение права собственности, которое не может быть отменено и не может прекратиться не по основаниям, предусмотренным Гражданским кодексом Российской Федерации.

Данное предложение также нарушает положение части 2 статьи 55 Конституции Российской Федерации: «В Российской Федерации не должны издаваться законы, отменяющие или умаляющие права и свободы человека и

гражданина». Придание закону обратной силы возможно только в исключительных обстоятельствах, к которым не могут быть отнесены ситуации, на урегулирование которых направлен Проект.

Пересмотр правовых последствий сделок, совершенных до внесения в законодательство изменений, определяющих правовой режим соответствующих объектов, недопустим, так как создает риски изъятия имущества у лиц, которые действовали добросовестно при приобретении этих объектов. Иной подход вступил бы в противоречие с частью 3 статьи 55 Конституции Российской Федерации и принципами гражданского законодательства (пункт 1 статьи 1 Гражданского кодекса Российской Федерации).

х х х

Вывод: проект федерального закона № 369263-8 «О внесении изменений в статью 3 Федерального закона «О приватизации государственного и муниципального имущества» и статью 21 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» не может быть поддержан.

Председатель Совета

П.В. Крашенинников

СОВЕТ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**ПО КОДИФИКАЦИИ И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА**

103132, Москва, ул. Ильинка, д. 8, стр. 2

Телефон: (495)606-56-32, факс: (495)606-36-57

**Принято Советом
15 августа 2023 г.
№ 232/оп-3/2023**

ЭКСПЕРТНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

**по проекту федерального закона № 293499–8 «О внесении
изменения в статью 12.1 Федерального закона «Об информации,
информационных технологиях и о защите информации»**

Проект федерального закона № 293499-8 «О внесении изменения в статью 12.1 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (далее – Проект) рассмотрен по инициативе Совета при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства (далее – Совет).

Проект внесен в Государственную Думу Правительством Российской Федерации и находится на стадии предварительного рассмотрения.

Как указывается в пояснительной записке, Проект подготовлен в целях: защиты внутреннего рынка Российской Федерации, развития национальной экономики, поддержки российских организаций, осуществляющих деятельность в области разработки программного обеспечения;

унификации подходов государства к регулированию мер государственной поддержки для субъектов экономической деятельности, осуществляющих деятельность в области программного обеспечения.

В этих целях предлагается статью 12.1 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (далее – Закон об информации) изложить в новой редакции.

Признавая необходимость совершенствования поддержки российского программного обеспечения, Совет полагает, что Проект не позволяет в полной мере достичь поставленных целей.

1. Вызывает сомнение целесообразность изменения подхода к понятию базы данных: исходя из предлагаемой Проектом редакции части 1 статьи 12.1 Закона об информации базы данных могут быть включены в реестр российского программного обеспечения только в том случае, если база данных входит в состав программы для ЭВМ. В то же время содержащееся в абзаце третьем пункта 2 статьи 1260 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) определение понятия «база данных» не упоминает о таком критерии. Изменение подхода может породить спорные ситуации, в которых изготовители баз данных будут считать, что такие базы должны быть внесены в реестр российского программного обеспечения, тогда как они не будут подпадать под действие статьи 12.1 Закона об информации.

2. В настоящее время Правила формирования и ведения единого реестра российских программ для электронных вычислительных машин и баз данных (далее – Правила ведения реестра) установлены Правительством Российской Федерации (постановление от 16 ноября 2015 г. № 1236 «Об установлении запрета на допуск программного обеспечения, происходящего из иностранных государств, для целей осуществления закупок для обеспечения государственных и муниципальных нужд»). В Проект переносится (с частичным изменением) ряд положений из Правил ведения реестра, однако целесообразность такого переноса не является очевидной, поскольку нормы указанного документа находятся в системной связи друг с другом. Целесообразно было бы ограничиться корректировкой соответствующих положений Правил ведения реестра, исключив соответствующие положения из Проекта.

3. Следует также заметить, что определение программно-аппаратного комплекса, содержащееся в Проекте (часть 2 проектируемой редакции статьи 12.1 Закона об информации), является менее точным, чем соответствующее определение, закрепленное в Правилах ведения реестра (новый абзац пункта 2, введенный постановлением Правительства Российской Федерации от 28 декабря 2022 г. № 2461 «О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 16 ноября 2015 г. № 1236 и признании утратившими силу отдельных положений некоторых актов Правительства Российской Федерации»).

В частности, предлагаемое определение содержит тавтологию, поскольку в Проекте указано, что под программно-аппаратным комплексом, представляющим собой электронную вычислительную машину или техническое средство (устройство), понимается совокупность технических средств и программ для электронных вычислительных машин. Таким образом, такой комплекс определен как техническое средство, под которым понимается совокупность технических средств и программного обеспечения.

После этого неточного определения в части 2 статьи 12.1 Закона об информации в редакции Проекта добавлена еще одна фраза, характеризующая программно-аппаратный комплекс, назначение которой неясно. Если указание о том, что «функционально-технические характеристики указанного комплекса определяются исключительно совокупностью технических средств и программного обеспечения и не могут быть реализованы при их разделении», направлено на уточнение понятия программно-аппаратного комплекса, то оно должно быть включено в его определение. В виде отдельного предложения оно выглядит как запрет (достаточно абсурдный) реализации функционально-технических характеристик комплекса в случае разделения технических средств и программного обеспечения.

4. При переносе положений из Правил ведения реестра в Проект были перенесены и содержащиеся в них неточности. Например, в части 6 статьи 12.1 Закона об информации в редакции Проекта содержится требование о

принадлежности лицу исключительного права «на весь срок действия исключительного права». Но если лицо является правообладателем, то согласно действующему законодательству принадлежность ему исключительного права на иной срок в принципе невозможна (более короткие сроки могут устанавливаться лишь при использовании результата интеллектуальной деятельности по лицензионным договорам, но в этом случае речь идет не об исключительном праве, а о праве использования соответствующего результата).

Некорректна также формулировка, согласно которой, если «программа для электронных вычислительных машин, база данных и программно-аппаратный комплекс правомерно введены в гражданский оборот на территории Российской Федерации, экземпляры программного обеспечения либо права использования программного обеспечения, услуги по предоставлению доступа к программному обеспечению свободно реализуются на всей территории Российской Федерации». В гражданский оборот вводится не само программное обеспечение, а его экземпляры или права на него.

5. Приведенный в Проекте перечень условий включения в реестр российского программного обеспечения значительно короче, чем в Правилах ведения реестра. Так, в Проекте отсутствуют условия, указанные в подпунктах «д» – «л» пункта 5 Правил ведения реестра. К их числу относятся следующие важные требования: «программное обеспечение не имеет принудительного обновления и управления из-за рубежа»; «гарантийное обслуживание, техническая поддержка и модернизация программного обеспечения, в том числе модификация исходного текста программного обеспечения, осуществляются российской коммерческой или некоммерческой организацией без преобладающего иностранного участия либо гражданином Российской Федерации»; «технические средства, необходимые для активации, выпуска, распространения, управления лицензионными ключами программного обеспечения находятся на территории Российской Федерации,

контролируются российскими организациями либо гражданами Российской Федерации» и т.д.

Исключение этих важных положений кардинально меняет условия включения программного обеспечения в реестр. Представляется, что такое изменение должно иметь как минимум существенное обоснование. Однако пояснительная записка к Проекту не упоминает об этих изменениях и их причинах.

6. Основное внимание в пояснительной записке к Проекту уделено изменению понятия контроля для целей Закона об информации. В ней поясняется, что предложенные изменения нацелены на то, чтобы российские акционерные общества, существенная доля акций которых находится в свободном обращении, могли считаться разработчиками российского программного обеспечения. Как указано в пояснительной записке к Проекту, «данные изменения позволят увеличить число отечественных программных продуктов в Реестре».

Однако в действительности предлагаемые Проектом изменения значительнее, чем указано в пояснительной записке. На самом деле оценка наличия контроля иностранного лица заменяется на оценку наличия контроля российского лица. В результате этого изменения программное обеспечение будет считаться российским (при суммарной доле участия российских лиц в компании более пятидесяти процентов голосов от общего количества голосов) даже в случае, если иностранное лицо имеет возможность определять решения разработчика программного обеспечения в силу преобладающего косвенного участия в этой организации, участия в договоре (соглашении), предметом которого является управление этой организацией, или иных особенностей отношений между иностранным лицом и этой организацией и (или) иными лицами. Такое кардинальное изменение вызывает серьезные сомнения и требует дополнительного обоснования.

7. В Закон об информации также вводится категория системно значимых разработчиков российских программ для электронных вычислительных

машин, баз данных и программно-аппаратных комплексов. Как следует из Проекта, в отношении таких лиц не применяется ряд требований, установленных для признания программ для ЭВМ российскими, в частности, применительно к контролю над такой организацией. Однако Проект не определяет, как перечень таких разработчиков соотносится с реестром российского программного обеспечения, в каком порядке ведется данный перечень, в чем проявляется системная значимость таких лиц.

х х х

Вывод: проект федерального закона № 293499–8 «О внесении изменения в статью 12.1 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» в представленной редакции не может быть поддержан.

Председатель Совета

П.В. Крашенинников

СОВЕТ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**ПО КОДИФИКАЦИИ И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА**

103132, Москва, ул. Ильинка, д. 8, стр. 2

Телефон: (495)606-56-32, факс: (495)606-36-57

**Принято Советом
15 августа 2023 г.
№ 232/оп-4/2023**

ЭКСПЕРТНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

**по проекту федерального закона № 374521-8 «О внесении изменения
в статью 10 Закона Российской Федерации
«О защите прав потребителей»**

Проект федерального закона № 374521-8 «О внесении изменения в статью 10 Закона Российской Федерации «О защите прав потребителей» (далее – Проект) рассмотрен по инициативе Совета при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства.

Проект внесен в Государственную Думу депутатом Государственной Думы Чернышовым Б.А. и находится на стадии предварительного рассмотрения.

В Проекте предлагается дополнить абзац четвертый пункта 2 статьи 10 Закона Российской Федерации от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей» (далее – Закон о защите прав потребителей) положением, в соответствии с которым при реализации продуктов питания помимо стоимости непосредственно реализуемого количества/объема продукта

должна указываться и цена за единицу объема (1 килограмм или 1 литр) соответствующего товара.

Как указано в пояснительной записке к Проекту, данная инициатива направлена на «пресечение злоупотребления доверием потребителей» и воспрепятствование введению их в заблуждение путем уменьшения объема фактически реализуемых товаров без изменения цены и размеров упаковки.

Данная инициатива заслуживает поддержки, поскольку проблема соответствующего злоупотребления со стороны производителей продуктов питания и субъектов розничной торговли действительно существует. Однако механизм разрешения указанной проблемы представляется не вполне обоснованным ввиду следующего.

1. Необходимо учитывать, что действующее законодательство предусматривает определенные требования для продавцов в части необходимости соблюдения единства системы измерений.

Так, в силу части 3 статьи 1 Федерального закона от 26 июня 2008 г. № 102-ФЗ «Об обеспечении единства измерений» сфера государственного регулирования обеспечения единства измерений распространяется, в частности, на измерения, используемые при осуществлении торговли и выполнении работ по расфасовке товаров. В развитие названного Закона Правительством Российской Федерации утвержден перечень измерений, в том числе при осуществлении торговли и выполнении работ по расфасовке товаров (постановление от 16 ноября 2020 г. № 1847 «Об утверждении перечня измерений, относящихся к сфере государственного регулирования обеспечения единства измерений»).

Кроме того, по вопросу реализации товаров потребителям издано постановление Правительства Российской Федерации от 31 декабря 2020 г. № 2463 «Об утверждении Правил продажи товаров по договору розничной купли-продажи, перечня товаров длительного пользования, на которые не распространяется требование потребителя о безвозмездном предоставлении ему товара, обладающего этими же основными потребительскими свойствами,

на период ремонта или замены такого товара, и перечня непродовольственных товаров надлежащего качества, не подлежащих обмену, а также о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» (далее – Постановление № 2463). В Постановлении № 2463 содержатся специальные правила в части продажи продовольственных товаров и отмечается, что для продавцов предусмотрены обязанности по информированию потребителей о цене товаров с обязательством соблюдения единства измерений (пункты 35, 36).

При этом различные категории товаров разбиты на группы с учетом их специфики. Данное обстоятельство имеет значение с учетом того, что требование, предлагаемое разработчиками Проекта и предполагающее доведение до сведения потребителя информации о товаре из расчета цены за 1 литр или 1 килограмм, не может распространяться на все виды продуктов питания. Так, в отношении некоторых товаров используются другие системы измерений и (или) другие отличительные характеристики (например, в отношении некоторых товаров указывается стоимость за штуку независимо от их веса либо в пределах допустимой погрешности).

В этой связи содержащееся в Проекте изменение целесообразно распространить только на те товары, в рамках которых измерение посредством указания на килограмм или литр является обоснованным. Кроме того, указанное изменение целесообразно внести не в Закон о защите прав потребителей, а в Постановление № 2463 с выделением соответствующих групп товаров.

2. Как следует из пояснительной записки к Проекту, целью положения, вводимого в Закон о защите прав потребителей, является сокращение числа злоупотреблений именно со стороны производителей и розничных продавцов продуктов в отношении их покупателей-потребителей. Однако требования статьи 10 Закона о защите прав потребителей распространяются не только на субъектов розничной торговли, но и на любых субъектов предпринимательской деятельности, реализующих свои продукты и услуги

потребителям. Соответственно новое требование распространится не только на розничные магазины, но и на места общественного питания (кафе, рестораны и т.п.), поскольку при оказании их услуг потребителям реализуются в том числе продукты питания. Из пояснительной записки к Проекту не следует, что деятельность таких субъектов также предполагается в качестве объекта предлагаемого регулирования. В связи с этим требуется уточнение в части круга субъектов, на которых распространяется вводимое требование.

3. В соответствии со статьей 2 Проекта в случае принятия Проекта в качестве федерального закона он вступит в силу со дня официального опубликования. В этом случае уже на следующий день после наступления соответствующей даты все субъекты, не успевшие дополнить информацию требующимися данными о весе и объеме реализуемых продуктов, будут считаться нарушившими информационные требования в отношении потребителей. Однако предлагаемая мера предполагает некоторый промежуток времени для внедрения в предпринимательскую деятельность, особенно для таких субъектов, как крупные торговые сети, маркетплейсы и т.п. В связи с этим после вступления в силу предложенного правила (которое, как уже отмечалось, может быть введено на подзаконном уровне) требуется хотя бы минимальный переходный период, который бы позволил соответствующим субъектам успеть выполнить новые требования.

х х х

Вывод: проект федерального закона № 374521-8 «О внесении изменения в статью 10 Закона Российской Федерации «О защите прав потребителей» не может быть поддержан.

Председатель Совета

П.В. Крашенинников

СОВЕТ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**ПО КОДИФИКАЦИИ И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА**

103132, Москва, ул. Ильинка, д. 8, стр. 2

Телефон: (495)606-56-32, факс: (495)606-36-57

**Принято Советом
15 августа 2023 г.
№ 232/оп-5/2023**

ЭКСПЕРТНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

по проектам федеральных законов «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» и «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»

Проекты федеральных законов «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» и «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее соответственно – Проект изменений в ГК РФ и Проект) направлены на экспертизу в Совет при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства (далее – Совет) Министерством экономического развития Российской Федерации (письмо от 15 июня 2023 г. № 21222-ИТ/Д20и).

Проект ранее рассматривался Советом (экспертные заключения от 21 сентября 2015 г. № 145-1/2015, от 4 июля 2016 г. № 155-2/2016, от 23 апреля 2018 г. № 175-3/2018 и от 22 апреля 2021 г. № 208-6/2021) и неоднократно получал отрицательную оценку, поскольку не решал ряда концептуальных вопросов и нуждался в значительной доработке.

При предыдущем рассмотрении Проекта никаких корректировок Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ или Кодекс) разработчики не предлагали, ограничиваясь только изменением законов о хозяйственных обществах, в частности, Федерального закона от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» и Федерального закона от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (далее соответственно – Закон об АО и Закон об ООО).

Однако в этот раз предлагается также внести в ГК РФ изменения, которые, как сообщается в сопроводительных материалах, инициированы по предложениям Минфина России и Банка России с целью уточнения перечня видов имущества, вносимого в качестве вклада в уставные капиталы хозяйственных обществ, а также для урегулирования подтверждения решений, принимаемых единственным участником или акционером хозяйственного общества.

Несмотря на значительную доработку и исключение из текста Проекта ряда дискуссионных положений, Проект по-прежнему сохраняет концептуальные недостатки, без устранения которых утверждать о полноценной гармонизации норм соответствующих законов с нормами ГК РФ не представляется возможным. В этой связи необходимо еще раз обратить внимание на наиболее значимые недостатки и повторить отдельные замечания, неоднократно высказывавшиеся Советом в экспертных заключениях.

Так, разработчики по-прежнему игнорируют необходимость комплексного подхода к гармонизации положений федеральных законов, которая, как ранее подчеркивал Совет, не исчерпывается законами о хозяйственных обществах и требует охватить весь блок законодательства о юридических лицах, включая законодательство о некоммерческих организациях (пункт 1.2 Экспертного заключения от 22 апреля 2021 г. № 208- 6/2021).

Проект не способствует сближению подходов в регулировании схожих правоотношений в непубличных акционерных обществах и в обществах с ограниченной ответственностью (далее также – ООО) в тех случаях, когда отсутствуют разумные основания для дифференцированного регулирования (пункты 1.1 и 1.2 Экспертного заключения от 22 апреля 2021 г. № 208-6/2021).

В частности, Совет ранее обращал внимание на недостатки статьи 7 Закона об АО, касающиеся положений о реализации ограничений на обращение акций, которые появились в Законе об АО не более чем через год после внесения изменений в главу 4 ГК РФ (пункт 1.1 Экспертного заключения от 22 апреля 2021 г. № 208-6/2021). Такого рода ограничения на уровне специального закона не соответствуют диспозитивному началу в регулировании корпоративных отношений в непубличных корпорациях, более того, возможность их установления не предусмотрена ГК РФ (пункт 3 статьи 66.3) и не предполагалась в ходе совершенствования главы 4 Кодекса. Поэтому императивные положения, необоснованно включенные в Закон об АО в 2015 году, должны быть отменены, а Закон об АО должен быть приведен в этой части в соответствие с буквальным текстом и смыслом положений ГК РФ.

Остаются также неучтенными замечания Совета, касающиеся как текущего, так и предлагаемого регулирования продажи доли с публичных торгов (пункт 9 статьи 21 Закона об ООО), в том числе в связи с реализацией преимущественного права, иных ограничений на переход долей (пункт 3.1 Экспертного заключения от 22 апреля 2021 г. № 208-6/2021).

Не приняты во внимание рекомендации Совета относительно необходимости исключения из специальных законов положений, дублирующих нормы ГК РФ как буквально, так и с некоторыми текстуальными отличиями. Это касается вопросов фидуциарной ответственности, удостоверения решений, формирования «множественного» единоличного исполнительного органа и распределения полномочий, солидарной ответственности оценщика при оплате акций неденежными

средствами и прочих вопросов (пункты 2.4 и 2.5 Экспертного заключения от 22 апреля 2021 г. № 208-6/2021). Кроме того, не в представленной редакции Проекта не сняты имеющиеся противоречия между ГК РФ и специальными законами.

Разработчики Проекта вновь избегают системного подхода, фокусируясь исключительно на хозяйственных обществах, не устраняя многочисленные недочеты действующего регулирования, на которые неоднократно указывал Совет, в том числе сохраняя неоправданные различия в регулировании разных видов непубличных обществ. Это обстоятельство не позволяет надеяться на завершение процесса гармонизации законодательства о юридических лицах в обозримом будущем.

Помимо указанных принципиальных недостатков Совет полагает необходимым высказать ряд иных замечаний, в том числе концептуального характера.

1. Проект изменений в ГК РФ корректирует положения статьи 66.1 ГК РФ, определяющей понятие вклада и порядок его внесения в имущество хозяйственного общества. Как указано в пояснительной записке, предлагаемые в пункт 1 статьи 66.1 ГК РФ изменения направлены на уточнение перечня видов имущества, вносимого в качестве вклада в уставные капиталы хозяйственных обществ. Разработчики фактически пытаются разрешить давнюю коллизию между статьей 66.1 ГК РФ и положениями Закона об ООО (статья 15) и Закона об АО (статьи 9 и 34), причем не в пользу ГК РФ, а в пользу специальных законов, которые воспроизводят прежний пункт 6 статьи 66 ГК РФ (в редакции, действовавшей до 1 сентября 2014 года) и, более того, конкретизируют некоторые способы внесения имущества в уставный капитал.

Между тем выбранный способ решения обозначенной проблемы наполнения уставного капитала не лишен недостатков и вызывает вопросы.

Действующая редакция пункта 1 статьи 66.1 ГК РФ по сравнению с нормами законов о хозяйственных обществах содержит более узкий и при

этом закрытый перечень видов имущества, в котором реализуется принципиальная идея приоритета денежных вкладов в уставный капитал и не допускается передача в его оплату некоторых упомянутых в специальных законах видов имущества и имущественных прав, в том числе права аренды. При этом в силу действующих положений пункта 2 статьи 66.1 ГК РФ такой перечень может быть ограничен путем установления законом или учредительными документами общества конкретных видов имущества, которое не может быть внесено для оплаты акций или долей.

Разработчики предлагают дополнить пункт 1 статьи 66.1 ГК РФ новым абзацем, согласно которому Кодексом и законами о хозяйственных обществах могут быть установлены иные виды имущества или имущественных прав, имеющих денежную оценку, помимо указанных в абзаце первом пункта 1 статьи 66 ГК РФ. При этом пункт 2 этой же статьи, допускающий возможность ограничения закрытого перечня законом или учредительными документами общества, разработчиками не корректируется.

Подобные полярные изменения концепции хозяйственного общества, вносимые в законодательство с промежутком в несколько лет, не могут быть признаны обоснованными и не способствуют упорядочению правового регулирования отношений с участием обществ.

Более того, предпринятая разработчиками Проекта изменений в ГК РФ попытка не только не отвечает задачам гармонизации, но и порождает правовую неопределенность, так как на уровне Кодекса сохранится общий принцип, в противоречие с которым на уровне специального закона будут закреплены противоположные правила.

Оптимальным видится иной подход, уже используемый в ГК РФ и предусматривающий лишь возможность ограничения закрепленного в пункте 1 статьи 66.2 ГК РФ перечня специальными законами или уставом общества.

При этом вопрос оптимизации самого перечня и уточнения конкретных видов имущества, в том числе имущественных прав, принимаемых в оплату уставного капитала, требует отдельного всестороннего рассмотрения и

проработки, в том числе с учетом возможных рисков, которые может породить расширение существующего перечня.

2. Проект изменений ГК РФ также предполагает уточнение пункта 3 статьи 67.1 ГК РФ, которое объясняется в пояснительной записке необходимостью решения проблем правоприменительной практики в отношении подтверждения решений единственного участника или акционера.

В частности, пункт 3 статьи 67.1 ГК РФ дополняется новым абзацем, предусматривающим, что если законами о хозяйственных обществах не предусмотрено иное, правила о подтверждении решений, принимаемых общим собранием, не применяются к обществу с одним акционером или участником. Одновременно с этим в Закон об АО вводится новая статья 63.1 ГК РФ, предусматривающая, что решение единственного акционера общества не требует подтверждения, если иное не предусмотрено уставом.

Реализуемый в данном случае подход вызывает серьезные нарекания.

Пояснительная записка не содержит объяснений тому, что подразумевается под возможностью установить уставом иное: требование об обязательности подтверждения и (или) определение лица, выполняющего функцию подтверждения, либо что-то другое (абзац четвертый пункта 1 проектируемой статьи 63.1 Закона об АО).

Неясно также, с какой целью предлагается диспозитивное правило применительно к принятию и оформлению решений единственного участника, учитывая, что потребность в этом совершенно не очевидна.

Кроме того, не могут приветствоваться используемые разработчиками для этих целей юридико-технические приемы. Например, абзац четвертый пункта 1 проектируемой статьи 63.1 Закона об АО, допускающий возможность предусмотреть уставом иное, не согласуется с проектируемыми положениями пункта 3 статьи 67.1 ГК РФ, не упоминающими об уставе. В этом случае правило, которое предлагается включить в ГК РФ, становится «промежуточным звеном», простой отсылкой к истинному правилу,

содержащемуся в специальном законе. Поддержать подобное обращение с Кодексом невозможно.

3. В нормы статей 57 и 66 ГК РФ, посвященные особенностям правового положения организаций финансового рынка, предлагается добавить указание на «лиц, оказывающих профессиональные услуги на финансовом рынке, и иные аудиторские организации». Указанные изменения лишь на первый взгляд могут показаться техническими, однако их реализация может привести к серьезным последствиям.

Прежде всего необходимо отметить, что данное понятие было введено в законодательство сравнительно недавно в связи с расширением полномочий Банка России, в том числе за счет некоторой части сферы аудиторской деятельности, и включает в себя поднадзорные Банку России бюро кредитных историй, лиц, осуществляющих актуарную деятельность, кредитные рейтинговые агентства и аудиторские организации, оказывающие услуги общественно значимым организациям на финансовом рынке (статья 76.9-5 Федерального закона от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)»). Выделенные в особую группу указанные организации, за исключением аудиторских, до января 2022 года относились к некредитным финансовым организациям.

Использование на уровне ГК РФ понятия «лица, оказывающие профессиональные услуги на финансовом рынке, и иные аудиторские организации» не может быть поддержано.

Во-первых, разработчиками никак не обосновывается включение аудиторских организаций в круг субъектов, в отношении которых специальным законодательством могут устанавливаться особенности их гражданско-правового положения. Неясно, почему для таких организаций допускается возможность установления особенностей, а для иных финансовых организаций, например, не поднадзорных Банку России лизинговых, факторинговых, оценочных компаний, нет.

Во-вторых, не принимается во внимание то обстоятельство, что данная категория субъектов права выделена в специальном законодательстве исключительно для целей регулирования, контроля и надзора со стороны Банка России, что сделано в узко специализированных публично-правовых целях. Поэтому является неуместным использование этой категории субъектов права для целей гражданского права, своего рода трансфер данного публично-правового института в гражданское законодательство, который не может быть оправдан лишь целями юридической экономии и оптимизации. Пояснительная записка не содержит объяснения того, какая именно частноправовая специфика свойственна деятельности таких субъектов права (особый режим ответственности по обязательствам, специфическая система корпоративного управления и т.п.) и насколько эта специфика сильна для того, чтобы отражать ее в специальных законах.

Кроме того, круг поднадзорных Банку России организаций и видов экономической деятельности, как показывает практика, постоянно расширяется, например, в связи появлением новых видов деятельности на финансовом рынке и (или) расширением полномочий регулятора, а также в связи с выделением тех или иных организаций в новые самостоятельные группы поднадзорных субъектов. Например, в отношении аудиторской отрасли, в случае ее перехода полностью под надзор Банка России, все без исключения аудиторские организации автоматически попадут в категорию лиц, осуществляющих профессиональные услуги на финансовом рынке. В этом случае, равно как и при любых перегруппировках соответствующих видов деятельности, необходимо будет каждый раз инициировать внесение новых изменений в ГК РФ. Подобное «подчинение» ГК РФ нормам публичного права является недопустимым.

4. Проект в развитие положений пункта 1 статьи 67 ГК РФ закрепляет порядок исключения акционера (участника) из непубличного общества.

4.1. Не может быть поддержано прямое включение в текст Закона об АО и Закона об ООО дословных цитат из положений постановления Пленума

Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 года № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» (далее – постановление Пленума № 25). Разъяснения правила пункта 1 статьи 67 ГК РФ об основаниях и порядке исключения акционера (участника) из непубличного общества, сформулированные в постановлении Пленума № 25 путем перечисления примеров, как и иные аналогичные разъяснения, не годятся на роль нормы, включаемой в федеральный закон.

4.2. В абзаце втором пункта 1 новой статьи 7.3 Закона об АО указано, что суд для целей определения рыночной стоимости акций исключаемого из непубличного общества акционера привлекает независимого оценщика. Оплата услуг независимого оценщика осуществляется за счет истца. Расходы на оплату услуг независимого оценщика могут быть возмещены истцу по решению общего собрания акционеров непубличного общества за счет средств общества.

Вместе с тем выкуп акций независимо от его оснований, в том числе в случае исключения акционера из общества, должен осуществляться по единым правилам. Следовательно, цена выкупа акций акционера, исключенного из общества, должна определяться по правилам пункта 3 статьи 75 Закона об АО, однако указанное проектируемое положение сформулировано таким образом, который исключает необходимость обращения к этим общим правилам.

Представляется необходимым использовать в этом случае правила пункта 3 статьи 75 Закона об АО, подразумевающие последующее оспаривание цены выкупа и распределение расходов на оплату финансово-экономической экспертизы в соответствии с решением суда. Этот подход позволит исключить злоупотребления и будет отвечать требованиям справедливости и добросовестности, а также общим началам арбитражного процесса.

4.3. В абзаце четвертом пункта 1 статьи 67 ГК РФ речь идет о выплате исключаемому из общества участнику действительной стоимости его доли, тогда как проектируемые положения Закона об АО используют понятие рыночной стоимости. Подобная несогласованность также должна быть устранена.

4.4. В Проекте не решается вопрос о том, подлежит ли применению при исключении акционера из общества правило пункта 5 статьи 76 Закона об АО, согласно которому общая сумма средств, направляемых обществом на выкуп акций, не может превышать 10 процентов стоимости чистых активов общества. Его применение может приводить к абсурдному положению, когда решение об исключении акционера будет принято, но общество фактически не сможет его выполнить из-за указанного ограничения, при этом такой акционер в действительности существенно затрудняет деятельность общества.

Не может применяться при исключении акционера и правило абзаца второго пункта 2 статьи 72 Закона об АО о том, что общество не вправе принимать решение о приобретении им акций, если номинальная стоимость акций, находящихся в обращении, составит менее 90 процентов от уставного капитала общества. По своей сути данное положение обусловлено лишь стремлением несколько ограничить добровольную скупку обществом собственных акций на рынке.

Однако Проект не устанавливает в этой связи никаких изъятий, исключающих применение указанных норм Закона об АО, либо каких-то особенностей регулирования. Хотя исключение акционера из общества и является самостоятельной процедурой, отличной от добровольного приобретения или выкупа, предусмотренных статьями 72 и 75 Закона об АО, отсутствие специальных правил на этот счет приведет к тому, что на практике указанные ограничения будут использовать, в том числе в интересах недобросовестных акционеров. Поэтому целесообразно соответствующие коррективы в Проект внести.

4.5. Пунктом 3 проектируемой статьи 7.3 Закона об АО предусмотрено, что регистратор в день получения решения суда об исключении акционера из непубличного общества вносит по лицевому счету исключенного акционера без его распоряжения (поручения) запись об ограничении распоряжения принадлежащими ему акциями непубличного общества, в том числе об ограничении передачи их в залог или обременения другими способами. При этом запись о снятии такого ограничения вносится одновременно с внесением записи о переходе прав на акции, принадлежащие исключенному акционеру, к непубличному обществу. Иных условий для снятия такого ограничения в Проекте не приводится. Поэтому в случае, когда, например, общество не исполнит в установленный срок своей обязанности по выплате исключенному акционеру рыночной стоимости его акций, такой акционер не сможет распорядиться своими акциями, в том числе реализовать их другим лицам или передать в залог. Подобное положение дел недопустимо.

4.6. Пунктом 11 проектируемой статьи 7.3 Закона об АО предусмотрен ряд оснований для безусловного отказа в иске одного акционера об исключении другого акционера из непубличного общества. Вместе с тем эти нормативные положения представляются достаточно спорными и не могут быть поддержаны, поскольку исключают судебную дискрецию и предрешают исход судебного спора, даже не давая возможности суду оценить в совокупности все обстоятельства конкретного спора, возникшего из корпоративного конфликта.

Кроме того, неясно, почему арест акций препятствует рассмотрению по существу вопроса об исключении акционера из общества.

5. Подавляющее большинство положений проектируемой статьи 63.1 Закона об АО и проектируемой статьи 38.1 Закона об ООО дублируют уже сложившееся регулирование.

Форма, в которую облакаются волевые акты акционеров (участников), определена в статье 67.1 ГК РФ, а порядок оформления решений коллегиальных органов общества – в статье 181.2 ГК РФ. Правовые

последствия нарушения процедуры принятия решений коллегиальным органом установлены в статьях 181.3 – 181.5 ГК РФ. Убедительных доводов в пользу изменения существующего регулирования в пояснительной записке не содержится.

При таких обстоятельствах значительное число положений Проекта, относящихся к волеобразованию и волеизъявлению самого общества (в лице своих органов) или его акционеров (участников), просто излишни.

6. Проект пытается решить ряд практических проблем, связанных со статусом лица, выполняющего функции единоличного исполнительного органа хозяйственного общества, что само по себе заслуживает всяческой поддержки. Однако разработчики Проекта не учитывают следующего.

6.1. В пункте 6 статьи 69 Закона об АО в редакции Проекта практически дословно воспроизводится ряд цитат из пункта 22 постановления Пленума № 25, что не имеет смысла, как уже отмечалось. В той части, где разработчики Проекта отступают от содержащихся в постановлении Пленума № 25 разъяснений, не учитывается высказанное ранее Советом замечание (пункт 2.6 Экспертного заключения от 22 апреля 2021 г. № 208-6/2021).

6.2. В пункте 14 статьи 69 Закона об АО в редакции Проекта предусматривается возможность образования временного единоличного исполнительного органа общества (далее – ВРИО) на случай приостановления полномочий единоличного исполнительного органа. Однако эта идея не может быть поддержана ввиду того, что Проект не предусматривает внесение в единый государственный реестр юридических лиц сведений о личности ВРИО.

Отсутствие в реестре записи о «запасном» директоре не позволит ни одному контрагенту, действующему с разумной осмотрительностью, вступить в отношения с обществом, которое пытается представлять такое лицо с временными полномочиями. Вместе с тем очевидно, что своеобразное «подназначение» временного директора на случай отсутствия или

недееспособности основного директора возможно было бы осуществить, указав в реестре соответствующие сведения.

7. Применительно к ответственности за убытки, причиненные хозяйственному обществу, Проект страдает теми же недостатками, что описаны выше – в нем на уровне двух специальных законов воспроизводятся положения статьи 53.1 ГК РФ.

Например, в части ответственности за убытки, причиненные недобросовестными и неразумными действиями, Проект практически полностью копирует, причем не лучшим образом, положения абзаца второго пункта 2 и пункта 3 статьи 53.1 ГК РФ. Не заслуживает поддержки абзац третий пункта 2 статьи 71 Закона об АО в редакции Проекта и аналогичные положения Закона об ООО в редакции Проекта, поскольку эти нормы всего лишь повторяют содержание пункта 2 статьи 53.1 ГК РФ.

Также не может быть поддержано вводимое Проектом правило о том, что положения о фидуциарных обязанностях и ответственности не распространяются на кредитные и иные финансовые организации, а также на аудиторские организации. Пояснительная записка данную новеллу не обосновывает, в то же время предыдущая версия Проекта подобных изъятий не содержала.

8. Проектом предлагается существенным образом обновить содержание статьи 10 Закона об ООО, к тексту которой применимы те же замечания, что были указаны к проектируемым положениям об исключении акционера из непубличного общества.

9. Положения пункта 2 статьи 23 Закона об ООО в редакции Проекта вызывают ряд существенных замечаний.

9.1. В абзаце первом пункта 2 статьи 23 Закона об ООО в редакции Проекта под видом безусловного права участника требовать выкупа доли обществом, если доля не может быть отчуждена третьему лицу, предусматривается фактически право на выход из ООО. Вместе с тем в случаях, описанных в данной норме, общество обязано выкупить долю такого

участника по цене и на условиях, определенных уставом общества, в том числе выкуп может быть осуществлен по номинальной стоимости или исходя из расчетной формулы. Если же в уставе ничего не определено, то лишь в таком случае выкуп должен осуществляться по правилам, аналогичным выплате действительной стоимости доли. Такое решение позволит обеспечить и гибкость регулирования корпоративных отношений в непубличной корпорации, столь востребованную в бизнес-среде, и защитную функцию для лиц, которые не искушены в деталях юридической техники корпоративных договоров и уставов.

9.2. В абзаце третьем пункта 2 статьи 23 Закона об ООО в редакции Проекта описывается процедура нотариального удостоверения требования участника о приобретении обществом принадлежащей ему доли в случаях, когда возможности ее реализации ограничены уставом, а другие участники не заинтересованы в ее приобретении. Однако предлагаемый в этой связи алгоритм действий нотариуса вызывает вопросы (проектируемый пункт 2 статьи 23 Закона об ООО). Так, после нотариального удостоверения требования нотариус в течение трех дней должен передать его в общество. Затем, в течение трех дней с момента его передачи нотариус должен обратиться в регистрирующий орган с заявлением о внесении в единый государственный реестр юридических лиц изменений в связи с переходом доли к обществу.

Во-первых, непонятно, почему эти действия не могут быть осуществлены одновременно либо в порядке, аналогичном закрепленному в пункте 1.1 статьи 26 Закона об ООО. Во-вторых, из Проекта не вполне понятно, как указанные действия по удостоверению требования участника о приобретении обществом доли соотносятся с действиями нотариуса, предусмотренными пунктом 1.1 статьи 26 Закона об ООО, по удостоверению заявления участника общества о выходе из общества путем отчуждения доли обществу, поскольку в проектируемой норме пункта 2 статьи 23 и в

действующей норме пункта 1.1 статьи 26 Закона об ООО речь идет об удостоверении одних и тех же юридических фактов.

В этой части Проект нуждается в доработке, направленной на создание понятной и непротиворечивой процедуры.

х х х

Вывод: проекты федеральных законов «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» и «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» не могут быть поддержаны.

Председатель Совета

П.В. Крашенинников

СОВЕТ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**ПО КОДИФИКАЦИИ И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА**

103132, Москва, ул. Ильинка, д. 8, стр. 2

Телефон: (495)606-56-32, факс: (495)606-36-57

Принято Советом**15 августа 2023 г.****№ 232/оп-6/2023****ЭКСПЕРТНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ**

по проектам федеральных законов «О внесении изменения в статью 250 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» и «О внесении изменений в статьи 111 и 139 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)»

Проекты федеральных законов «О внесении изменения в статью 250 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» и «О внесении изменений в статьи 111 и 139 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» (далее совместно – Проекты) направлены на экспертизу в Совет при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства Министерством экономического развития Российской Федерации (письмо от 7 июля 2023 г. № 24508-ИТ/Д20и).

Проекты подготовлены с учетом правоприменительной практики во исполнение Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 16 мая 2023 г. № 23-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 250 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.В. Шеставина» (далее – Постановление № 23-П), в котором Конституционный Суд Российской Федерации (далее – КС РФ) указал

федеральному законодателю на необходимость внести в действующее правовое регулирование изменения, направленные на возможность реализации гражданами – участниками долевой собственности преимущественного права покупки доли в праве собственности в случае ее продажи постороннему лицу с публичных торгов в рамках процедуры банкротства гражданина.

1. Проект федерального закона «О внесении изменения в статью 250 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» (далее – Проект № 1) предусматривает дополнение статьи 250 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) новым пунктом 6 следующего содержания: «6. Общие правила о преимущественном праве покупки, содержащиеся в настоящей статье, применяются к продаже доли должника в праве общей собственности постороннему лицу на торгах в процедуре, применяемой в деле о банкротстве, если законодательством о несостоятельности (банкротстве) не установлены иные правила».

Как указывается в пояснительной записке к Проекту № 1, в действующем правовом регулировании отсутствует механизм реализации гражданином – участником общей долевой собственности преимущественного права покупки доли в праве собственности на жилое помещение и земельный участок, на котором оно расположено, в случае его продажи постороннему лицу с публичных торгов в рамках процедуры банкротства. Разработчики Проекта № 1 указывают, что ввиду отсутствия в ГК РФ прямых положений, позволяющих сделать вывод о возможности реализации при банкротстве преимущественного права покупки на его долю в праве общей собственности другими участниками такой собственности, положениями Проекта № 1 устраняется правовая неопределенность, допускающая их неоднозначную интерпретацию.

Таким образом, Проект № 1 вводит регулирование, имеющее целью обеспечить реализацию сособственниками принадлежащего им преимущественного права покупки продаваемой доли в праве общей собственности при продаже такой доли на публичных торгах, проводимых

именно в рамках процедур реализации имущества должника в деле о банкротстве.

В целом положения Проекта № 1 могут быть поддержаны, поскольку они направлены на приведение действующего правового регулирования в соответствие с Конституцией Российской Федерации во исполнение Постановления № 23-П. Вместе с тем необходимо высказать следующее замечание к Проекту № 1.

Публичные торги для продажи доли в праве общей собственности могут проводиться не только в случаях, предусмотренных законодательством о банкротстве, но и при обращении взыскания в порядке исполнительного производства, а также в иных случаях. При этом Проект № 1 предусматривает возможность реализации преимущественного права только при продаже доли в праве общей собственности на торгах в деле о банкротстве, а в остальных случаях в силу пункта 1 статьи 250 ГК РФ участники долевой собственности не будут пользоваться преимущественным правом покупки продаваемой доли на публичных торгах по цене, за которую она продается, и на прочих равных условиях.

Установленный в статье 255 ГК РФ механизм защиты прав собственников предусматривает, что кредитор участника долевой или совместной собственности при недостаточности у должника другого имущества вправе предъявить требование о выделе доли должника в общем имуществе для обращения на нее взыскания. Если в таких случаях выделение доли в натуре невозможно либо против этого возражают остальные участники долевой или совместной собственности, кредитор вправе требовать продажи должником своей доли остальным участникам общей собственности по цене, соразмерной рыночной стоимости этой доли, с обращением вырученных от продажи средств в погашение долга. В случае отказа остальных участников общей собственности от приобретения доли должника кредитор вправе требовать по суду обращения взыскания на долю должника в праве общей собственности путем продажи этой доли с публичных торгов.

Указанный механизм не вполне тождествен преимущественному праву покупки, которое реализуется собственником в отношении уже наличествующего или точно определенного иного, не являющегося собственником, покупателя доли в праве собственности на известных уже для собственников условиях (цена и др.). Более того, практическая реализация положений статьи 255 ГК РФ зависит от волеизъявления не собственника, а кредитора, который, как сказано в абзаце втором статьи 255 ГК РФ, «вправе требовать продажи должником своей доли остальным участникам общей собственности по цене, соразмерной рыночной стоимости этой доли, с обращением вырученных от продажи средств в погашение долга».

Абзац третий статьи 255 ГК РФ устанавливает, что «в случае отказа остальных участников общей собственности от приобретения доли должника кредитор вправе требовать по суду обращения взыскания на долю должника в праве общей собственности путем продажи этой доли с публичных торгов», что более похоже не на преимущественное право покупки по цене и на условиях продажи третьему лицу, а на установление очередности направления заинтересованным кредитором оферты заключить договор о продаже доли.

Перечисляя интересы, требующие правовой защиты при формулировании правил о порядке отчуждения доли в праве общей собственности, КС РФ в Постановлении № 23-П указал, что «...правовой аспект приоритета интересов собственника, в том числе супруга (бывшего супруга), жилого помещения и земельного участка под ним – обусловленный не только интересами консолидации права собственности, но и конституционной значимостью семейных ценностей, стремлением сохранить в собственности жилое помещение, где проживает семья гражданина-должника, его супруг, родители, дети, – может оказаться поставленным под сомнение в связи с отсутствием в действующем законодательстве специального регулирования преимущественного права покупки доли в праве общей долевой собственности на недвижимое имущество при обращении на нее взыскания в рамках дела о банкротстве гражданина, в том числе преимущественного права покупки доли

в праве собственности на земельный участок и расположенный на нем жилой дом».

С учетом сформулированных в Постановлении № 23-П идей о правовой защите семейных и аналогичных им ценностей в связи с обращением взыскания на долю в праве собственности на общее имущество, а также с учетом сказанного о механизмах такой защиты, сформулированных в статье 255 ГК РФ, представляется возможным и оправданным несколько расширить предмет регулирования Проекта № 1.

КС РФ указал на самостоятельную ценность правового регулирования – необходимое «единообразное понимание, а значит, и применение правовой нормы», что «обеспечивается соблюдением критерия ее определенности, ясности и недвусмысленности, который вытекает из конституционных принципов правового государства, верховенства закона и юридического равенства (часть 1 статьи 1, часть 2 статьи 4, части 1 и 2 статьи 15, части 1 и 2 статьи 19 Конституции Российской Федерации). Неоднозначность, нечеткость и противоречивость правового регулирования препятствуют адекватному уяснению его содержания, допускают возможность неограниченного усмотрения в процессе правоприменения, ведут к произволу. Тем самым ослабляются гарантии государственной, в том числе судебной, защиты прав, свобод и законных интересов граждан».

В свете сказанного мотивировать и обосновать различия правового регулирования, предусматривающего, что при продаже доли в праве общей собственности на торгах, проводимых в рамках процедуры банкротства, сособственники будут пользоваться преимущественным правом покупки продаваемой доли по цене и на условиях, предложенных третьим лицом (проектируемое регулирование), а в иных случаях будут связаны офертой кредитора (взыскателя) и не смогут воспользоваться преимущественным правом покупки, после принятия Проекта № 1 в качестве федерального закона будет невозможно.

Исходя из этого можно сделать вывод, что проектируемые подходы заслуживают того, чтобы их распространили на все случаи (кроме специально предусмотренных законом запретов) продажи доли в праве общей собственности с публичных торгов. При этом конфигурация Проекта могла бы быть значительно улучшена за счет включения в его орбиту положений статьи 449.1 ГК РФ о публичных торгах, позволяющей урегулировать порядок реализации преимущественного права покупки доли в праве общей собственности.

2. Проект федерального закона «О внесении изменений в статьи 111 и 139 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Проект № 2) дополняет статью 111 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве) новым пунктом 7, регулирующим условия и порядок реализации преимущественного права при продаже доли должника в праве общей собственности постороннему лицу на торгах, и в пункте 3 статьи 139 Закона о банкротстве слова «пунктом 3 статьи 111» заменяет словами «пунктами 3 и 7 статьи 111».

В пояснительной записке к Проекту № 2 указывается, что он направлен на обеспечение возможности сохранения преимущественного права покупки за лицами, являющимися вместе с должником сособственниками имущества, в процедуре реализации имущества в рамках дела о банкротстве гражданина.

Проект № 2 предусматривает, что при продаже доли должника в праве общей собственности постороннему лицу на торгах в процедуре банкротства остальные участники долевой собственности имеют преимущественное право покупки продаваемой доли. Цена доли должника в праве общей собственности определяется с учетом результатов торгов. При признании торгов по продаже доли должника несостоявшимися сособственник вправе воспользоваться преимущественным правом покупки этого имущества по начальной продажной цене соответствующих торгов, а также по цене, предложенной победителем торгов в случае, если торги состоялись.

Предложенный разработчиками Проекта № 2 механизм определения цены доли должника в праве общей собственности для продажи ее сособственнику по преимущественному праву соответствует правовым позициям Верховного Суда Российской Федерации (далее – ВС РФ). В пункте 18 Обзора судебной практики ВС РФ № 3 (2020) (утвержден Президиумом ВС РФ 25 ноября 2020 г.) указано, что цена доли в праве собственности на нежилое помещение при банкротстве сособственника должна быть определена по результатам открытых торгов, вместе с тем имущество подлежит реализации победителю торгов только после предоставления другим сособственникам возможности реализовать преимущественное право покупки. Аналогичная позиция отражена в определении Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 4 июня 2020 г. № 306-ЭС19-22343 по делу № А65-40314/2018. В указанном судебном акте ВС РФ отметил, что экспертная оценка доли не может корректно отображать рыночную стоимость имущества, поскольку она имеет предварительный, предположительный характер, ее результат менее достоверен, чем цена, определенная по факту по результатам открытых торгов, то есть собственно рынка как такового.

Сами по себе идеи Проекта № 2 могут быть поддержаны. Между тем следует высказать следующее замечание.

Федеральный закон от 24 июля 2023 г. № 351-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» внес в абзац первый пункта 1 статьи 250 ГК РФ изменения: слова «на земельный участок собственником части расположенного на таком земельном участке здания или сооружения либо собственником помещения в указанных здании или сооружении» заменены словами «на общее имущество, указанных в пункте 2 статьи 259² настоящего Кодекса».

Соответственно, новая редакция абзаца первого пункта 1 статьи 250 ГК РФ будет следующей: «При продаже доли в праве общей собственности постороннему лицу остальные участники долевой собственности имеют преимущественное право покупки продаваемой доли по цене, за которую она

продается, и на прочих равных условиях, кроме случая продажи с публичных торгов, а также случаев продажи доли в праве общей собственности на общее имущество, указанных в пункте 2 статьи 259² настоящего Кодекса».

При этом пункт 2 статьи 259² ГК РФ в редакции Федерального закона «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» (который принят на базе проекта федерального закона № 47538-6/13) устанавливает: «Доля в праве общей собственности на общее имущество следует судьбе права собственности на недвижимую вещь, не может быть выделена в натуре и не может быть отчуждена отдельно от права собственности на недвижимую вещь. Собственник недвижимой вещи не вправе также совершать иные действия, влекущие передачу такой доли отдельно от права собственности на недвижимую вещь. Сделки, совершенные с нарушением положений настоящего пункта, ничтожны».

Таким образом, положения указанного Федерального закона направлены на недопущение отчуждения доли в праве общей собственности на общее имущество (имущество общего назначения) независимо от отчуждения права собственности на недвижимую вещь.

КС РФ в Постановлении № 23-П указал, что пункт 1 статьи 250 ГК РФ не соответствует Конституции Российской Федерации в той мере, в какой содержащиеся в нем положения являются неопределенными в части возможности и порядка реализации гражданами – участниками долевой собственности преимущественного права покупки доли в праве собственности на жилое помещение и земельный участок, на котором оно расположено, в случае ее продажи постороннему лицу с публичных торгов в рамках процедуры банкротства гражданина.

Текст пункта 7 статьи 111 Закона о банкротстве в редакции Проекта № 2 основан на текущей редакции абзаца первого пункта 1 статьи 250 ГК РФ. Внесение указанных изменений в абзац первый пункта 1 статьи 250 ГК РФ влечет необходимость внесения изменений в пункт 7 статьи 111 Закона о банкротстве в редакции Проекта № 2, направленных, с одной стороны, на

реализацию позиции КС РФ об обеспечении возможности реализации преимущественного права покупки доли в праве собственности на жилое помещение и земельный участок, на котором оно расположено, в рамках процедуры банкротства гражданина, а с другой стороны – на недопущение отчуждения доли в праве общей собственности на общее имущество (имущество общего назначения) независимо от отчуждения права собственности на недвижимую вещь.

х х х

Вывод: проекты федеральных законов «О внесении изменения в статью 250 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» и «О внесении изменений в статьи 111 и 139 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» требуют доработки.

Председатель Совета

П.В. Крашенинников

СОВЕТ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**ПО КОДИФИКАЦИИ И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА**

103132, Москва, ул. Ильинка, д. 8, стр. 2

Телефон: (495)606-56-32, факс: (495)606-36-57

**Принято Советом
15 августа 2023 г.
№ 232/оп-7/2023**

ЭКСПЕРТНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

**по проекту федерального закона № 395002-8 «О внесении изменений
в отдельные законодательные акты Российской Федерации»**

Проект федерального закона № 395002-8 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Проект) рассмотрен по инициативе Совета при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства.

Проект внесен в Государственную Думу депутатами Государственной Думы Костенко Н.В., Демченко И.И. и Дорошенко А.Н.

Проект предполагает внесение изменений в статью 61 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате от 11 февраля 1993 г. № 4462-1 (далее – Основы), а также в часть 8 статьи 26 Федерального закона от 2 декабря 1990 г. № 395-1 «О банках и банковской деятельности» (далее – Закон о банках и банковской деятельности).

Разработчики Проекта предлагают закрепить обязанность нотариуса не позднее трех рабочих дней после дня открытия наследственного дела направить запрос в Центральный каталог кредитных историй для получения информации о бюро кредитных историй, в котором хранится кредитная история наследодателя, либо об отсутствии такой информации. Впоследствии

нотариус должен совершить действия по получению кредитного отчета наследодателя и уведомлению наследников о наличии долгов у наследодателя. Также разработчики Проекта предлагают закрепить положения о том, что справки по счетам и вкладам при наличии технической возможности направляются в форме электронного документа на основании соответствующего запроса.

Возможность получения нотариусами информации о бюро кредитных историй наследодателя в связи с необходимостью осуществления проверки состава наследственного имущества напрямую предусмотрена частью 5 статьи 13 Федерального закона от 30 декабря 2004 г. № 218-ФЗ «О кредитных историях». В Проекте предложено закрепить обязанность нотариуса по направлению запросов и получению сведений о кредитной истории наследодателя.

Согласно пояснительной записке к Проекту основанием для разработки изменений является необходимость уведомления наследников о долгах наследодателя во избежание появления ситуаций, когда наследник узнает о кредитной задолженности наследодателя уже после принятия наследства. Как полагают разработчики Проекта, получение нотариусом кредитного отчета наследодателя позволит наследникам своевременно принять экономически рациональное решение о целесообразности принятия наследства или отказа от него, что позволит снизить уровень «закредитованности» граждан в стране.

Декларируемая цель Проекта – предоставление наследникам информации о кредитных долгах наследодателя для принятия наследниками решения о целесообразности принятия наследства – направлена на защиту интересов наследников.

Проблема отсутствия доступа наследников к достоверной информации о долгах наследодателя существует давно. Однако предлагаемые изменения относятся к установлению только кредитной задолженности, но не всей наследственной массы, а предлагаемая процедура истребования нотариусом необходимой информации недостаточно продумана, чтобы обеспечить

поступление сведений о наличии у наследодателя кредитных долгов в сроки, установленные законодательством для принятия наследства.

Рассматриваемый Проект подсвечивает целый ряд в действительности *важных проблем правоприменительной практики в сфере наследования*. К ним относятся не только недостаток информации о кредитных обязательствах наследодателя у тех наследников, кто проявил себя (обратился с заявлением о принятии наследства), но и недостаток информации об ином имуществе наследодателя, в том числе об иных (не относящихся к кредитным) его обязательствах, а также собственно отсутствие процедуры информирования эвентуальных наследников и кредиторов о самом открытии наследства. Между тем полноценная процедура вызова (информирования об открытии наследства) – одна из важнейших предпосылок эффективного начала и завершения наследственных правоотношений.

Из совокупного толкования положений статей 1162 и 1171 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) следует, что знание нотариуса о смерти наследодателя само по себе не становится поводом для открытия наследственного дела, так как нотариус ожидает активных действий от наследников, душеприказчиков, кредиторов, финансового управляющего (на практике нотариус ожидает их заявлений, указанных в пункте 1.1 Методических рекомендаций по оформлению наследственных прав, утвержденных решением правления Федеральной нотариальной палаты от 25 марта 2019 г., далее – Методические рекомендации).

В соответствии с частью 2 статьи 61 Основ нотариус может произвести вызов наследников путем помещения публичного извещения или сообщения об этом в средствах массовой информации, но делать этого он не обязан. Несмотря на то, что в подавляющем большинстве зарубежных правовых порядков процедура вызова любых наследников является обязательной, российское наследственное право до сих пор не предусматривает обязанности нотариуса тем или иным образом обнародовать сведения о факте открытия наследства (часть 1 статьи 61 Основ предусматривает только обязательное оповещение

тех наследников, место жительства или место работы которых нотариусу известно). Во многом такое положение дел находится в связи и с весьма ограниченным применением параграфа 4 главы X «Особенности рассмотрения дела о банкротстве гражданина в случае его смерти» Федерального закона от 26 октября 2002 года № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)».

Заявительный порядок открытия наследственного дела не закреплен в ГК РФ и в Основах напрямую, но фактически он сложился за многие десятилетия и довлеет над наследственным правоотношением – без инициативы хотя бы одного из наследников, которому стало известно об открытии наследственного дела, такое дело вряд ли будет открыто.

Более того, сам факт смерти наследодателя зачастую неизвестен не только его наследникам или кредиторам, но и нотариусу, который мог бы своевременно открыть наследственное дело, получить сведения о составе наследственной массы, включая обязательства умершего, назначить управляющего наследственной массой, а также предпринять попытки поиска наследников и кредиторов. Такая модель наследственного дела была бы близка к идеальной, то есть нацеленной на обеспечение стабильности гражданского оборота.

Действующие положения Основ, определяющие порядок извещения потенциальных наследников и кредиторов об открытии наследства, несовершенно и нуждаются в существенной переработке, которая отражала бы социально-экономические изменения, состоявшиеся за прошедшие после принятия Основ тридцать лет. В связи с этим предлагаемые в Проекте изменения преждевременны и не могут быть поддержаны до изменения всего института вызова наследников и кредиторов.

Применительно к содержанию Проекта могут быть высказаны также следующие замечания.

1. Разработчики Проекта не учитывают, что выявленная ими на практике проблема может быть разрешена полностью или частично за счет применения действующих положений ГК РФ.

В соответствии с пунктом 4 статьи 1171 ГК РФ в целях выявления состава наследства и его охраны банки, другие кредитные организации и иные юридические лица обязаны по запросу нотариуса сообщать ему об имеющихся у этих лиц сведениях об имуществе, принадлежавшем наследодателю.

Следует иметь в виду, что обязанности наследодателя напрямую отнесены к понятию «имущество» в статье 1112 ГК РФ, а это подразумевает обязанность названных третьих лиц сообщать нотариусу по его запросу обо всех долгах наследодателя, включая кредитные. Формулировка «иные юридические лица», вне всякого сомнения, дает нотариусу право обратиться также и в Банк России, который осуществляет ведение Центрального каталога кредитных историй.

Пункт 4 статьи 1171 ГК РФ, упоминая о том, что полученные сведения нотариус может сообщать только исполнителю завещания и наследникам, ограничивает лишь круг лиц, которым может быть передана информация и подразумевает, что эта информация должна быть передана им в обязательном порядке. Иное толкование этой нормы противоречило бы принципам наследственного права, правовому положению наследника и функционалу нотариуса, подразумевающему наличие у него фидуциарных обязанностей.

Следовательно, уже сейчас нотариусы могут получать информацию об обязательствах наследодателя и обязаны доводить ее до сведения наследников.

При таких обстоятельствах необходимость дополнительного введения особой процедуры уведомления наследников о долгах наследодателя, причем именно о кредитных (а не о любых возможных) долгах, не нашла обоснования в пояснительной записке к Проекту.

2. Предлагая дополнить статью 61 Основ частью 3, возлагающей на нотариуса, ведущего наследственное дело, обязанность направить запрос в Центральный каталог кредитных историй для получения информации о кредитной истории наследодателя либо об отсутствии такой информации и в случае наличия в полученном кредитном отчете информации о наличии долгов

у наследодателя уведомить об этом наследников, разработчики не учитывают того, что заявление о принятии наследства, заявление о выдаче свидетельства о праве на наследство, а равно заявление о принятии мер по охране наследства могут быть поданы наследником нотариусу в любой день срока, установленного пунктом 1 статьи 1154 ГК РФ, вплоть до последнего.

В связи с неизвестностью нотариусу точного круга наследников на момент открытия наследства разные наследники будут получать уведомления нотариуса о кредитной задолженности наследодателя в разное время, поэтому они будут находиться в разном положении.

Некоторые наследники по объективным причинам получают уведомление о кредитной задолженности за небольшое количество времени до окончания срока для принятия наследства, который не подлежит продлению, или вовсе не успеют получить такое уведомление.

Одни наследники смогут получить уведомление в начале шестимесячного срока для принятия наследства, а другие – только в конце, в связи с чем последние не смогут принять взвешенное решение по вопросу влияния кредитной задолженности наследодателя на принятие ими наследства, а решение первых может впоследствии оказаться ошибочным, поскольку в момент принятия ими такого решения у них не было информации о наличии иных наследников.

Кто-то из наследников под влиянием полученной информации или в отсутствие такой информации может отказаться от наследства, при этом в соответствии с пунктом 3 статьи 1157 ГК РФ отказ от наследства не может быть впоследствии изменен или взят обратно.

Таким образом, учитывая в совокупности все обстоятельства, во-первых, пресекающий характер шестимесячного срока для принятия наследства, во-вторых, безотзывный характер отказа от наследства, в-третьих, сроки представления нотариусу ответов на запросы информации от Центрального каталога кредитных историй, а затем на представление кредитного отчета наследодателя соответствующим бюро кредитных историй,

можно с уверенностью утверждать, что практическая польза от принятия рассматриваемого Проекта в предложенной разработчиками редакции будет весьма ограниченной, поскольку шанс своевременно получить информацию о наличии или отсутствии кредитных долгов у наследодателя и в зависимости от этой информации принять решение о принятии наследства или отказе от него будут иметь лишь наследники, обратившиеся к нотариусу с соответствующим заявлением в кратчайшие сроки после открытия наследства.

3. В Проекте предложено закрепить обязанность нотариуса по получению сведений о кредитной задолженности наследодателя в статье 61 Основ. Однако это изменение выходит за пределы сферы применения указанной статьи Основ, которая посвящена извещению эвентуальных наследников об открывшемся наследстве.

Извещение наследников об открывшемся наследстве должно быть совершено как можно раньше, чтобы наследники получили возможность инициировать меры по охране наследства, в том числе по выявлению его состава. Эту же цель преследует заложенная в части второй статьи 61 Основ, но практически не используемая норма, допускающая публичное оповещение о факте открытия наследства. Следовательно, положения статьи 61 Основ нацелены исключительно на выявление круга эвентуальных наследников и на принятие мер по охране наследства, по выявлению входящих в его состав объектов.

Уведомление наследников о кредитной задолженности, а точнее – раскрытие наследникам собранной нотариусом информации о составе наследства, включающего в себя обязательства наследодателя, должно быть нацелено исключительно на то, чтобы дать наследникам почву для принятия решения о принятии наследства или об отказе от него, поэтому оно не должно происходить в рамках извещения наследников об открытии наследства.

4. Из положений Проекта нельзя установить, допускают ли его разработчики размещение в публичном доступе сведений о кредитной истории и кредитной задолженности наследодателя. Предоставление нотариальным

конторам и нотариусам сведений о кредитной задолженности, а также справок по операциям, счетам и вкладам умершего наследодателя имеет целевой характер и не может быть использовано для разглашения этих сведений любым третьим лицам.

Когда законодателем будет принято решение закрепить особую процедуру раскрытия наследникам собранной нотариусом информации о составе наследства, включающего в себя обязательства наследодателя, потребуется также описание механизмов защиты этой информации.

5. В Проекте предусмотрено, что в случае указания в кредитном отчете на наличие долгов у наследодателя нотариус в течение срока, установленного ГК РФ для принятия наследства, обязан в письменной форме уведомить об этом наследников. Однако такое описание процедуры уведомления является недостаточным и вызывает ряд вопросов, в частности, о том, должен ли нотариус с помощью уведомления направить наследникам все полученные сведения из бюро кредитных историй или он обязан сообщить только о самом факте наличия долга, предоставив наследникам возможность самостоятельно ознакомиться с материалами наследственного дела.

Кроме того, разработчики Проекта предлагают закрепить в части 8 статьи 26 Закона о банках и банковской деятельности возможность предоставления нотариусу справок по счетам и вкладам наследодателя в форме электронного документа. Остается неясным, вправе ли нотариус направить этот электронный документ непосредственно наследникам. Не исключено, что Проект подразумевает лишь ознакомление наследников с этим документом в помещении нотариальной конторы, ведь нотариус, действуя в соответствии с пунктом 4.7 Методических рекомендаций, не выдает копии документов, хранящихся в наследственном деле, по результатам ознакомления с наследственным делом. Закрепление в законодательстве этого сложившегося на практике подхода, противоречащего интересам наследников, создало бы риск нарушения конституционных гарантий наследования (часть 4 статьи 35 Конституции Российской Федерации).

х х х

Вывод: проект федерального закона № 395002-8 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» требует переработки.

Председатель Совета

П.В. Крашенинников

СОВЕТ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**ПО КОДИФИКАЦИИ И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА**

103132, Москва, ул. Ильинка, д. 8, стр. 2

Телефон: (495)606-56-32, факс: (495)606-36-57

**Принято Советом
15 августа 2023 г.
№ 232/оп-8/2023**

ЭКСПЕРТНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

по проектам федеральных законов № 399525-8 «О внесении изменений в Федеральный закон от 8 августа 2001 г. № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей», № 399538-8 «О внесении изменений в статью 54 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»

Проекты федеральных законов № 399525-8 «О внесении изменений в Федеральный закон от 8 августа 2001 г. № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» (далее – Проект о внесении изменений в Закон о регистрации) и № 399538-8 «О внесении изменений в статью 54 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» (далее – Проект о внесении изменений в ГК РФ, совместно – Проекты) рассмотрены по инициативе Совета при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства (далее – Совет).

Проекты внесены в Государственную Думу группой депутатов Государственной Думы и находятся на стадии предварительного рассмотрения.

Проекты направлены на изменение существующей практики регистрации юридических лиц путем установления возможности регистрации юридических лиц по виртуальному (электронному) адресу: данная задача

реализуется разработчиками Проектов посредством взаимосвязанного внесения изменений в статью 54 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) и в Федеральный закон от 8 августа 2001 г. № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» (далее – Закон о регистрации). Согласно пояснительной записке к Проекту о внесении изменений в ГК РФ предлагаемые изменения направлены на достижение цели цифровой трансформации российской экономики и популяризации удаленных форм занятости, а также сокращения издержек на содержание офисных помещений. По существу Проекты опосредуют создание специальной «информационной системы», которая призвана формировать электронный адрес юридического лица, позволяющий также обеспечить «техническую возможность определения местонахождения органа или представителя юридического лица» с тем, чтобы обеспечить доставку юридически значимых сообщений посредством направления электронного письма.

Несмотря на то, что цели, заявленные разработчиками Проектов, заслуживают всесторонней поддержки, избранные приемы их реализации вызывают возражения как концептуального, так и юридико-технического характера.

1. В первую очередь обращают на себя внимание положения пункта 1 статьи 1 Проекта о внесении изменений в ГК РФ, которыми предлагается закрепить в ГК РФ нормы, определяющие способ формирования электронного адреса и требования, предъявляемые к информационной системе, с помощью которой он создается.

Во-первых, предлагаемые разработчиками Проектов положения, по сути определяющие вопросы создания электронного адреса в специальной (очевидно, государственной) информационной системе, носят исключительно технический характер и должны содержаться в специальном законодательстве. В данном случае в ГК РФ допустимо лишь использование бланкетной нормы.

Во-вторых, пункт 2 статьи 54 ГК РФ, обновленную редакцию которого содержит Проект о внесении изменений ГК РФ, для реализации задач разработчиков Проектов не нуждается в каких-либо правках. Внедрение в ГК РФ положений о возможности указания в качестве адреса юридического лица электронного адреса не находится во взаимосвязи с определением местоположения юридического лица, которое согласно актуальной редакции пункта 2 статьи 54 ГК РФ определяется путем указания наименования населенного пункта (муниципального образования). Так как проектируемые нормы подразумевают указание местонахождения лица, уполномоченного действовать от имени юридического лица, при формировании электронного адреса (пункт 4 статьи 1 Проекта о внесении изменений в Закон о регистрации), то местонахождение такого юридического лица подлежит определению тем же образом, как оно определяется положениями действующего законодательства. Это в свою очередь позволяет решить вопрос определения подсудности в случаях, когда отсутствует реальный адрес местонахождения юридического лица. Таким образом, проведение государственной регистрации юридического лица всегда привязано к определенному населенному пункту, по которому определяется налоговый орган, осуществляющий такую регистрацию. Поэтому привязка понятия «электронный адрес юридического лица» к категории «место нахождения юридического лица» не представляется возможной.

В третьих, положения пункта 1 Проекта о внесении изменений в ГК РФ и пунктов 4, 5, 9 Проекта о внесении изменений в Закон о регистрации предусматривают, что электронный адрес формируется в специальной государственной информационной системе при создании учетной записи (личного кабинета) юридического лица. Идея формирования электронного адреса государственной информационной системой, вероятно, имеет под собой основания. Однако из содержания Проектов и пояснительных записок к ним невозможно установить, что представляют из себя электронный адрес и информационная система, в пределах которой он создается: Проекты

предусматривают создание системы, порядок и правила функционирования которой не определены действующим законодательством и даже не обозначены в пояснительных записках.

2. Положения Проекта о внесении изменений в Закон о регистрации не позволяют однозначно ответить на вопрос о доступности в Едином государственном реестре юридических лиц (далее – ЕГРЮЛ) сведений об адресе лица, уполномоченного выступать от имени юридического лица. В пояснительной записке к Проекту о внесении изменений в Закон о регистрации содержится обоснование необходимости указания данных об адресе такого лица, поскольку без него «невозможна регистрация юридического лица по электронному адресу». Указанный аргумент о необходимости указания соответствующего адреса в ЕГРЮЛ или в какой-либо общедоступной информационной системе нельзя признать обоснованным. Сведения о месте жительства лица, уполномоченного выступать от имени юридического лица, относятся к информации о его частной жизни (пункт 1 статьи 152.2 ГК РФ), должны находиться в закрытой части реестра и предоставляться по запросу исключительно уполномоченным на то государственным органам.

3. Проекты также содержат внутренне противоречивые положения. Так, в пункте 2 статьи 1 Проекта о внесении изменений в Закон о регистрации упоминаются как электронный адрес, по которому осуществляется «общий доступ» к учетной записи (личному кабинету) юридического лица, так и адрес электронной почты, связанный с учетной записью (личным кабинетом) юридического лица, которые должны быть указаны в ЕГРЮЛ. При этом согласно положениям Проекта о внесении изменений в Закон о регистрации электронный адрес служит для обеспечения доступа к учетной записи (личному кабинету) юридического лица, а адрес электронной почты – для связи с юридическим лицом (пункты 1, 6, 7 статьи 1 Проекта о внесении изменений в Закон о регистрации). Необходимость указания в ЕГРЮЛ одновременно двух адресов вызывает сомнения и требует дополнительного

обоснования.

В целом из содержания Проектов невозможно сделать однозначный вывод о соотношении и назначении электронного адреса и адреса электронной почты, цели такого разграничения этих понятий разработчиками Проектов не обоснованы.

Возражения также вызывает и то, что проектируемые нормы подразумевают использование двух альтернативных способов доставки юридически значимых сообщений: по электронному адресу и адресу электронной почты (проектируемые подпункт «д.2» статьи 5, пункт 7 статьи 7.1, положения статьи 11 Закона о регистрации и абзац третий проектируемого пункта 3 статьи 54 ГК РФ), что будет приводить к проблемам в практике применения данных норм.

4. Использованный в проектной редакции пункта 3 статьи 54 ГК РФ словооборот «электронный адрес, по которому осуществляется общий доступ к учетной записи» требует по меньшей мере разъяснения. «Общий доступ» в частноправовом контексте, как правило, означает открытость сведений, их общедоступность, в том числе обеспечиваемую за счет публичного размещения сведений. В связи с этим упоминание об общем доступе к учетной записи, скорее всего, является недоразумением, ведь разработчики Проекта явно предполагают, что доступ к учетной записи юридического лица будут иметь только оператор государственной информационной системы и лицо, имеющее право действовать без доверенности от имени юридического лица.

По этой причине, а также в связи с общим низким юридико-техническим качеством проработки Проектов не представляется возможным установить до конца смысл абзаца первого пункта 3 статьи 54 ГК РФ в редакции Проекта о внесении изменений в ГК РФ.

х х х

Вывод: проекты федеральных законов № 399525-8 «О внесении изменений в Федеральный закон от 8 августа 2001 г. № 129-ФЗ

«О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» и № 399538-8 «О внесении изменений в статью 54 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» в представленной редакции не могут быть поддержаны.

Председатель Совета

П.В. Крашенинников

СОВЕТ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**ПО КОДИФИКАЦИИ И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА**

103132, Москва, ул. Ильинка, д. 8, стр. 2

Телефон: (495)606-56-32, факс: (495)606-36-57

**Принято Советом
15 августа 2023 г.
№ 232/оп-9/2023****ЭКСПЕРТНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ
по проекту федерального закона № 348604-8 «О внесении изменения
в статью 6 Федерального закона «О связи»**

Проект федерального закона № 348604-8 «О внесении изменения в статью 6 Федерального закона «О связи» (далее – Проект) рассмотрен по инициативе Совета при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства.

Проект внесен в Государственную Думу группой депутатов Государственной Думы и находится на стадии предварительного рассмотрения.

Проектом предлагается дополнить статью 6 Федерального закона от 7 июля 2003 г. № 126-ФЗ «О связи» положением, в соответствии с которым требование о демонтаже сооружений, средств и (или) линий связи (далее – объекты связи) на объектах государственного или муниципального имущества в связи с прекращением договорных отношений может быть заявлено в суд только при наличии заключения федерального органа исполнительной власти в области связи. Указанное заключение должно быть изготовлено не ранее чем за шесть месяцев до обращения в суд и должно содержать сведения о том, что демонтаж объекта связи не повлияет на функционирование сети связи оператора связи и доступность услуг связи

населению. Если же заключение федерального органа исполнительной власти в области связи подтверждает потенциальный ущерб для оператора связи и населения, соответствующее требование о демонтаже может быть заявлено только по истечении двадцати четырех месяцев с даты изготовления заключения.

Проектом предусмотрены два исключения из этого правила. Во-первых, когда основанием демонтажа объекта связи является риск причинения вреда жизни и здоровью граждан. Во-вторых, если демонтаж необходим в связи со строительством и реконструкцией сооружения связи, осуществляемых на основании разрешения на строительство.

Как указано в пояснительной записке к Проекту, данная инициатива способствует развитию инфраструктуры связи на территории Российской Федерации и обеспечению доступности оказываемых услуг связи населению.

Сама по себе цель Проекта носит публично-правовой характер и заключается в обеспечении конституционного права граждан и организаций на доступ к информации, а также к социальной инфраструктуре. Для обеспечения указанных прав предлагается ограничить возможность демонтажа сооружений связи собственниками, выполняющими публичные и социальные функции (собственники и иные владельцы государственного и муниципального имущества), на соответствующих объектах при отсутствии заключения органа исполнительной власти.

Данная инициатива заслуживает поддержки, поскольку направлена на обеспечение устойчивого и бесперебойного функционирования сети связи. Однако предложенный способ разрешения указанной проблемы представляется не вполне обоснованным. Так, механизм защиты операторов связи, предложенный разработчиками Проекта, противоречит гражданскому и процессуальному законодательству в части условий возникновения права требования, предмета и распределения бремени доказывания по спорам соответствующей категории.

1. В рамках спора о демонтаже объекта связи, размещенного ранее на основании договора, истец должен доказать факт прекращения договорных отношений и отсутствие у ответчика правовых оснований для размещения объекта связи.

Получение заключения федерального органа исполнительной власти в области связи не влияет на возникновение у истца материального права требовать демонтажа. Более того, постановка права на иск под соответствующее условие может привести к существенному ограничению права на судебную защиту публичных собственников.

Само по себе получение заключения может рассматриваться как возможное обоснование возражения, выдвигаемого ответчиком, а значит, бремя доказывания этого факта должно быть возложено на оператора связи. С точки зрения процессуального законодательства получение такого доказательства возможно посредством удовлетворения судом ходатайства ответчика об истребовании у компетентного органа соответствующей информации (статья 66 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, далее – АПК РФ; статья 57 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, далее – ГПК РФ).

При этом указанное возражение не лишает истца имеющегося у него права заявлять требование. Оно лишь позволяет ответчику просить об отсрочке в вопросе демонтажа объекта связи. В рамках действующего законодательства институт отсрочки исполнения решения суда известен процессуальным кодексам (статья 324 АПК РФ, статья 203 ГПК РФ). Более того, в редких случаях, когда законодатель намерен особо подчеркнуть наличие у ответчика права ходатайствовать об отсрочке, соответствующее регулирование встречается и в материально-правовых законах. В частности, в статье 687 Гражданского кодекса Российской Федерации указывается, что по просьбе нанимателя суд в решении о расторжении договора найма жилого помещения может отсрочить исполнение решения на срок не более года.

В этой связи для выполнения задач, которые ставят разработчики Проекта, более уместным представляется использование института отсрочки исполнения решения суда о демонтаже объекта связи с предоставлением оператору связи определенного периода времени для размещения объекта связи в другом месте.

2. В Проекте указывается, что обращение в федеральный орган исполнительной власти в области связи за получением заключения является обязательным досудебным порядком урегулирования спора, предусмотренным пунктом 5 статьи 4 АПК РФ.

Однако цели обращения в соответствующий орган не соответствуют тем целям, для которых предусмотрен обязательный досудебный порядок.

Так, согласно пункту 1 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 июня 2021 г. № 18 «О некоторых вопросах досудебного урегулирования споров, рассматриваемых в порядке гражданского и арбитражного судопроизводства» под досудебным урегулированием следует понимать деятельность сторон спора до обращения в суд, осуществляемую ими самостоятельно (переговоры, претензионный порядок) либо с привлечением третьих лиц (например, медиаторов, финансового уполномоченного по правам потребителей финансовых услуг), а также посредством обращения к уполномоченному органу публичной власти для разрешения спора в административном порядке. Данная деятельность способствует реализации таких задач гражданского и арбитражного судопроизводства, как содействие мирному урегулированию споров, становлению и развитию партнерских и деловых отношений.

То есть, досудебный порядок предполагает или существование возможности мирного урегулирования спора, когда интересы обеих сторон будут удовлетворены посредством достижения компромисса, или предварительное рассмотрение спора компетентным административным органом. Как правило, орган или лицо, к которому обращаются стороны в ходе досудебного урегулирования спора, является непредвзятым

посредником или арбитром, а целью самого процесса является, в том числе снижение нагрузки непосредственно на суды.

Однако обращение в федеральный орган исполнительной власти в области связи за получением заключения преследует другую цель – установление того, повлияет ли демонтаж объекта связи на функционирование сети связи оператора связи и доступность услуг связи населению, и представляет собой одно из доказательств по делу.

В этой связи ссылка на статью 4 АПК РФ, содержащаяся в Проекте, представляется неуместной.

3. Проект не дифференцирует правовые последствия на случай, если в заключении федерального органа исполнительной власти в области связи будет установлено негативное влияние факта демонтажа объектов связи на функционирование сети оператора связи и доступность услуг связи населению. Во всех подобных ситуациях предусматривается одинаковый результат – в течение двадцати четырех месяцев с даты получения заключения лицо не вправе обращаться с иском о демонтаже объекта связи.

Однако даже непосредственно в самом Проекте отмечается, что в одних случаях последствия могут быть чрезвычайно негативными (например, невозможность вызова экстренных оперативных служб), а в других – менее негативными.

В данном случае, вероятно, необходима дифференциация, которую возможно осуществить, например, в рамках судебного усмотрения при установлении периода отсрочки исполнения решения суда.

4. В Проекте не определяется правовая природа шестимесячного срока с момента получения заключения, в течение которого лицо может обратиться с требованием о демонтаже сооружений связи, а также последствия пропуска такого срока: в частности, необходимо ли повторное обращение после истечения данного срока либо лицо утрачивает право на соответствующее требование/возражение, является ли этот срок

специальным сроком исковой давности, подлежит ли он восстановлению и т.д.

х х х

Вывод: проект федерального закона № 348604-8 «О внесении изменения в статью 6 Федерального закона «О связи» не может быть поддержан.

Председатель Совета

П.В. Крашенинников